

МАРСИК

Саня обожал собак. Его друг Петька разгуливал с Джульбарсом. Лёшкин отец, охотник, иногда позволял сыну выгуливать сеттера. Даже Лёлька повсюду таскалась с визглявой болонкой Клеопатрой.

На голове у Клео, так называла собачку Лёля, красовались разноцветные резиночки и бантики. Видно было, что болонку любили, о ней заботились и холили. Наверно, из-за того и характер у неё прескверный. В их компании она самая капризная. Даже высокомерные Джульбарс и Петька забывали иногда зазнаваться и носились по подгорью вместе с остальными. Другое дело Лёлькина болонка. Пыль она презирала, дождь ей противопоказан, а уж о грязи и говорить не стоит. Только на ручки! И непременно семечки ей подавай. Клео ухитрялась их расщелкивать, а шелуху, как всякая воспитанная собака, выплёвывала Лёльке на ладонь, чем та невероятно гордилась.

Ну их, девчонок этих! Если у Сани будет собака, то, конечно, только кобель, настоящий, породистый. И чтоб уши торчком, и чтоб мускулатура под шерстью играла.

Мама у Сани работает в местной столовке поваром. Однажды, возвращаясь с работы, обнаружила она на столовском дворе, у ящиков с отходами месячного кутёнка. Подбросили на прикорм. Щенок был настолько хорош, что, вспомнив о давней Саниной мечте, она принесла его в авоське домой.

Саня, набив портфель всякой всячиной (учебники уже не заталкивались), сидел у телика. Из кухни выползал запах бабулиных плюшек и мешал смотреть мультик. Но разве мог Саня променять на какие-то ватрушки очередное приключение инопланетянина Лунтика, прижившегося (вот уже какой год) на Земле!

Незаметно вошла мама и положила найдёныша рядом с Саней. Мальчишка мельком взглянул на клубок пёстрой спутанной шерсти, но, увлечённый забавной историей, не смог оторваться от экрана.

Комочек полежал-полежал и зашевелился. Зачуяв тепло, а может, плюшку, которую бабуля сунула Сане в руку, кутёнок затыкался мальчику в бок и полез поближе к пахнущей ванилью сдобе. Саня остолбенел, обнаружив у себя на коленях невероятное существо.

Он настолько обрадовался подарку, что позабыл и Лунтика, и то, что завтра рано вставать в школу. Весь вечер рылись они с мамой в книжках, пытаясь определить породу щенка, подбирая достойную кличку. Дело осложнялось тем, что кутёночек был такого возраста, что признаки его выразительной внешности подпадали под разные породы.

- Уши спаниель, значит, из него спаниель вырастет, на уток с ним ходить станем, - мечтал Саня.

- А нос? Нос точь в точь, как у колли. И галстучек белый! – не соглашалась мама.

- Колли рыжие или чёрные. А он – пегий.

- Меланжевый, - поправляла мама, вспомнив о шерсти, из которой вязала сыну свитер.

- Может, он терьер или шнауцер? – окончательно сбившись с толку, спрашивал Саня, - и бородка, и чёлочка... Надо к Петру Филимоновичу в лечебницу отнести, пусть подскажет.

-А назовём-то как? - поинтересовалась мама.

- Как его такого назовёшь? – вздохнул мальчик.

- Может, – Марсик? Раз уж он неопознанный.

Так и прижилась эта инопланетная кличка за щеночком.

Саня и Марсик стали такими закадычными друзьями, что мальчишке было совершенно безразлично, какой масти его пёс, и породистый ли он вообще. Всё свободное время они проводили вместе, а когда бабуля отлавливала Саню готовить домашние задания, Марсик ни за что не хотел сидеть во дворе и носился по улице с другими собаками.

Щенок заметно подрос и всё больше смахивал на собаку водолаза. Правда, шерсть его была заметно длиннее. Всех виданных и невиданных в природе оттенков.

Зимой Саня укатывался на лыжах так, что на ночь промёрзлые мальчишкины брюки ставили оттаивать у печки. Набегавшийся Марсик, гремя ледышками, подбирался тоже поближе к теплу. За вечер он переходил несколько раз с одного места на другое, а бабуля подтирала лужи.

- Постричь его, что ли? – ворчала бабушка.

Марсик виновато опускал голову и норовил за принесённые хлопоты лизнуть старушке руку.

- Ну ладно... чего уж, - сжаливалась бабуля, - и ножни овечьи кудый-то запропустились... Да и простудишься, небось, без лохматов - то.

На зимних каникулах Саня уехал в город к тётке Маше в гости. А Марсик без пригляду с утра до вечера бегал в компании разномастных Полканов, Белок, Чернушек и Мухтаров, показываясь во дворе только для того, чтобы похлепать или погрызть чего-нибудь. Иногда забывал даже о еде.

После Сретенья отмели последние февральские метели, дни стали ясные и звонкие. Морщинистое зимнее небо разгладилось, помолодело. Солнце улыбалось в каждой лужице. Сугроб в палисаднике осел, и из-под него через весь двор за ворота понёсся искрящийся золотыми рыбками ручей.

Саня вырывал из тетрадок листы и сворачивал кораблики. Подобув в резиновые сапоги вязанки, провожал свои бумажные судёнышки. Бегал за пронирыльным ручьём под гору, убирал на его пути заторы, чтобы кораблики могли выйти в открытую воду, на речной простор.

Марсик стал совсем взрослый. Поубавил прыти, ходил в развалку. Санины кораблики его не интересовали.

- Ожирел ты, Марсик, за зиму, отъелся, - подшучивал над другом Саня. - Погоди, лето подойдёт, набегаяешься за моим великом, сразу в форму войдёшь!

Март - месяц хлопотной. Зарождается весна, а с нею и вся живность. Неделю назад Милка принесла сразу двух теляток.

- Не водилось это за ней. Надо же удумала! Двойня! Намаялась, голубка моя, - жалела бабуля корову и подкладывала припасённого для такого случая самого духовитого сена, с донничком да с чебрецом.

В сарае сладили буржуйку и подтапливали, чтоб молодняк не подмёрз.

В сенях не пройти. В хоботных ивовых корзинках восседают гусыни. Такие злые, что бедному Марсику не прошмыгнуть. Вытягивают шеи и щиплют его за лохматые бока. От греха подальше пёс ушёл на вольный воздух, под сарай. Долго ещё придётся Сане в одиночку отбиваться от зловредных гусынь, пока не выведут гусеняток.

Пугливая уточка Груня уже ходит по кухне с десятком крохотных желторотиков. Она всего на свете боится и старается запрятать свой выводок в укромное местечко: под стол или того интересней – под печку. Выбегут утятки, почебурахаются в тёпленькой водице на сковородке, поклюют рубленого яичка, и бегом за матерью.

Ночью бабуля несколько раз выходила в сарай, а утром показала Сане мокрого, завёрнутого в старую шаль, кудрявого козлёночка. Рябая коза принесла.

Устаёт бабуля, хлопотно ей. Вчера вот свинья Параскева подарила ей восемь поросятков. Саня ходил в сарай посмотреть. Беленькие, гладенькие. Лежат рядочком, подвизгивают. А мамаша развалилась на свежей соломке, ухает, вздыхает.

Пятнашка окотилась на печке, а потом за шиворт перетащила всех котят к Сане на кровать.

- Значит, очень любит тебя Пятнаша. Кого любит, тому и доверяет, - заметила бабушка.- А куда-то Марсик запропостился? С вечера не видать. Поднимайся, оладьев напекла, стынут.

- Марсик оладушки любит, издали чует, уже бы давно у двери крутился. Куда ж он пропал?

Саня оделся, прихватил оладьев и выскочил за дверь. Пробежался по двору. Пёсика не видать.

-Марсик! Марсик! – забеспокоился мальчик.

Под амбаром кто-то заскулил. Тоненько-тоненько. Марсик так пищать давно не умеет. Подбежал Саня, смотрит: на сене лежит довольный Марсик, а рядом пять щенков. Один на Петькиного сеттера смахивает, у другого пятнышки над бровками, точь в точь, как у Джульбарса, третий – вылитый Марсик, а два последних Саня не отгадал, на кого похожи.

- Саня, что же ты на распашку, грипп подхватишь, - на крыльцо выглянула бабушка.

- Бабуля!.. – только и смог сказать мальчик.

Подошла бабушка, всплеснула руками.

- Март, внучек, март... А Марсика Марусей станем кликать.